

Треугольник

Он жил один и никогда не был женат. На вид ему было лет сорок пять. Невысокого роста... Одним словом, ничего особенного. А вот характер,..

— Ни черта не пойму! — пожимая широкими плечами, удивленно сказал нам в один из дней наш бригадир Николай Завьялов, когда Михаил по чьей-то просьбе, как всегда безропотно, пошел в магазин за бутылкой водки. — Два брата. По внешности не различишь, а вот характерами — два шага по карте: один — баламут, каких свет не видывал, другой — тихоня, один — пьет, другого — силком не заставишь, один уже больше двадцати лет женат, другой баб боится как огня... Помнишь, — он повернулся ко мне, — как он себя вел на новогоднем вечере?

Я хмыкнул:

— Еще бы не помнить: весь вечер в самом дальнем углу просидел. Дашка Ляпусова к нему уж и так, и этак — глухой номер, Ну, а если уж ей не удалось его растормошить, то...- я потерянно, махнул рукой,

— Гены, — глубокомысленно заметил Витька Швецов, мусоля в губастом рту окурки сигареты. - У одного отцовские, у другого — материнские.

— При чем здесь гены! — Завьялов пренебрежительно сморщился. — Сейчас все привыкли на гены сваливать. По-твоему...

Но тут вернулся Михаил, и Завьялов, покашливая в кулак, заговорил о другом.

Мы закончили монтаж сантехники в одном доме, перешли на другой. Когда утром приходили на работу, в бытовке было уже тепло, а у весело хрустящей дровами буржуйки, горбась, сидел Михаил, Переодеваясь, мы лениво обменивались новостями. Мне, как самому молодому в бригаде, рассказывать было не о чем. Танцы, вечеринки мужиков не интересовали. Говорили они то о

просмотренном но телевизору футбольном матче, то о кинофильме, но только не о семейных делах. Лишь Степан Фирсов с каким-то нездоровым удовольствием жаловался на свои семенные неурядицы. Нам было трудно судить, кто больше виноват в них — то ли он сам, то ли его жена — нервная, вечно чем-то недовольная женщина.

— Не женись рано, парень, — частенько говорил он мне, хлопая рукой по плечу. — Не делай глупости. До свадьбы они все хорошие, а вот после... — качал похуже на репу головой, тянул: — Не бери пример с меня, дурака... Не-ет, правильно люди говорят, что если нет ума — считай калека. Любовь! — Он презрительно выпячивал губы, обводил всех нас насмешливым взглядом, спрашивал в упор: — Ну, где она, эта любовь? Покажите мне хоть одну...

Мужики отделивались хмурым молчанием.

Отчего-то странным и, как нам казалось, совсем лишним звучало это слово здесь, в бытовке, где пахло суриком, смолой и где было много металла. Да и слова о любви из уст мужчины...

— Молчите?! — насмешливо восклицал он. — И правильно делаете, а то... — по обыкновению не договаривал, совал в карман куртки газовый ключ и уходил, громко хлопнув дверью.

Мужики искоса смотрели ему вслед, кто сплевывал, кто закуривал, кто усмехался.

В то дряблое от дождя осеннее утро последним из нас на работу пришел Вадим Родин. Вошел он непривычно шумно. Стягивая с плеч усыпанный каплями дождя плащ, воскликнул:

— Я, мужики, за свою жизнь много дуриков перевидал. Сам, возможно, дурак, но... — швырнул на подоконник кепку, круто повернулся к сидящему у буржуйки Михаилу, спросил: — Слушай, ты, чудо в перьях! Ты на кой ляд свою квартиру обменял? А?

— Как это — обменял?! — Завьялов удивленно посмотрел на него, на втянувшего голову в плечи Михаила, на застывших в изумлении мужиков, хорошо помнящих день, когда помогали ему перетаскивать вещи из общежития в новую благоустроенную квартиру, которую он ждал больше десяти лет. Помнили они, как радовался он, как ходил по ней, бережно трогая ладонью стены, как счастливо улыбался.

А так! — Родин плюхнулся на расшатанную от долгого пользования скамейку. — Вчера вечером встречаю его брательника. Да вы знаете его... Он еще как-то заходил к нам в бытовку...

Ну? — нетерпеливо перебил Завьялов.

Так вот, — Вадим сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой.

Он мне и талдычит, что Мишка свою новенькую благоустроенную квартиру обменял на комнатуху в коммуналке. — Сделав пару жадных затяжек, Вадим швырнул окурочек к буржуйке, развел руками: — Ни хрена не пойму! Люди годами ждут не дождутся, как бы от коммуналки избавиться, а он...

— Ты что, чокнутый? — негромко спросил Завьялов у Михаила.

Тот снизу вверх посмотрел на него, хотел что-то сказать, но лишь уставился себе под ноги.

— Я же вам говорил — гены! — громко проговорил Витька Швецов, натягивая сапоги. — А вы мне...

— Дались тебе эти гены! — сердито оборвал Завьялов.

— Здесь кое-что похуже. Здесь или... — повертел пальцем у виска. — Или... Третьего, как говорится, не дано и не предвидится.

— Может, его попросили? — неуверенно предположил я, глядя на Михаила. — Мало ли...

— Попросили, — передразнил меня Швецов. — Меня,

может, попросят головой о стенку биться, так что? Попросили... Ну ты даешь! — и покачал головой.

— В конце концов каждый волен поступать и жить так, как он считает нужным, — заметил Алексей Ряпушков, поправляя очки.

— Волен-то волен, неохотно согласился Завьялов, глядя на неподвижно сидящего у буржуйки Михаила. — Но с головой, а не... — махнул рукой и стал надевать брезентовую куртку.

Михаил молча поднялся и, ни на кого не глядя, вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Обидели мужика, — хмуро уронил кто-то. Это он сам себя обидел, — сказал Завьялов. Вот пускай сам на себя и обижается...
Прошло время

Как-то в один из дней я зашел в магазин купить фотопленку. Народу было мало, и я сразу увидел Михаила — он покупал театральный бинокль.

«На кой ляд он ему понадобился?! — удивленно подумал я. — Театра в нашем городе нет, на рыбалку он не ходит, чтоб с помощью бинокля смотреть на поставленные сети... Тогда зачем?»
Когда я рассказал об увиденном мужикам, те недоуменно пожали плечами, а Витька Швецов сказал:

— Ничего удивительного — всяк по-своему с ума сходит. Я одного чудака знаю, так тот за почтовую марку полета рублей выложил и хоть бы хны...

Отпуск мне дали в конце октября. Где-то за день до моего выхода в отпуск, в конце рабочей смены, когда в бытовке никого не было, ко мне подошел Михаил и, как всегда негромко, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Я слышал, что ты в Ленинград съездить собираешься.

— Собираюсь, — ответил я. — А что?

— Если не трудно, купи мне подзорную трубу. Она сорок с чем-то рублей стоит.

— Трубу?! — я удивленно посмотрел на него. — Но ведь... — я хотел напомнить о театральном бинокле, но... — Да на что она тебе — труба? На звезды смотреть, что ли? Он переступил с ноги на ногу, молча сунул мне деньги и ушел, горбясь.

Трубу я ему купил. Он долго благодарил меня, но так и не сказал, зачем ему понадобилась: мялся, бормотал что-то маловразумительное, а догадаться самому у меня просто не хватило фантазии...

Зима в том году выдалась суровая: морозы, частые ветры. Окна в доме, где мы работали, в большинстве своем не были заколочены теплоплитами, и ветру было где разгуляться. Мужики покашливали, хлюпали носами, но держались, а Михаил в один из дней на работу не вышел. Не вышел и на второй, и на третий.

— Сходи-ка ты к нему, — сказал мне бригадир в конце недели. — Мы тут с ребятами по рублю скинулись. Загляни в профком, выбей там пятерку-другую, купи что-нибудь и навести. Или на свидание надо?

— Какой черт свидание, — пробурчал я. — В такую холодрыгу. Да и поругался.

— Бывает, — равнодушно заметил он и полюбопытничал: — А из-за чего, если не секрет?

- А-а, - я отмахнулся. — Слишком много гонору... Думает, что на ней одной свет клином сошелся!

Красивая?

Красивая.

Избегай красивых, — посоветовал он. — Женишься — намучаешься. По собственному опыту знаю. Точно тебе говорю. Красивое на себя внимание обращает, а внимание для женщины — это все равно что лишние полторы сотни в полчку, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После работы, «выбив» в профкоме трояк, я зашел в магазин, купил банку компота, торт и пошел к Михаилу.

Было холодно. Ветер носился по улице, как угорелый, а автобусы ходили, как замороженные.

Дом, где он жил, находился в новом микрорайоне, почти у самого леса. Я поднялся на пятый этаж, позвонил. Дверь мне открыла пожилая, рыхлая женщина.

— Малютин? — переспросила она. Подозрительно оглядела меня с ног до головы буравчиками глаз, ткнула пальцем в направлении двери и ушла, оглядываясь. Я негромко постучал и приоткрыл дверь.

В комнате было темно, а на фоне освещенного светом уличных фонарей окна, на подоконнике, я увидел его. Он, чуть согнувшись, смотрел через открытую форточку в подзорную трубу на окна стоящего напротив дома.

Я тихонько прикрыл дверь, постоял и постучал снова, но уже громче, настойчивее.

— Минуточку, — послышалось в ответ, и через некоторое время: — Заходите, пожалуйста.

Я снова открыл дверь. В комнате горел свет. Форточка была закрыта, шторы задернуты. Подзорной трубы нигде не было видно.

— Здорово, Миша! — преувеличенно бодро и весело проговорил я, протягивая ему руку. — В гости вот пришел. Ребята спрашивают, чего на работу не являешься?

Приболел малость, — он виновато улыбнулся. — Простыл. Врачи говорят — грипп.

Лицо у него было бледным, а глаза красными.

- Простыл, а у открытой форточки стоишь, — укоризненно заметил я и тут же понял, что сгородил глупость. Он густо покраснел, засуетился:

— Да ты раздевайся, раздевайся. Я сейчас чаек поставлю. Ты давай, давай — не стесняйся, — и вышел. Я положил сетку с покупками на стоящий слева от входной двери стол, разделся и подошел к окну.

Дом, стоящий напротив, был огромен, но весел разноцветьем окон.

«Что он там рассматривал-подглядывал? — подумал я, скользя взглядом по окнам. — За кем и зачем?»

Мне стало неприятно и даже противно.

Он вернулся быстро. Молча, не глядя на меня, накрыл стол, молча разрезал торт и открыл банку компота.

Он пил чай молча. Молчал и я.

— Ты видел, как я смотрел в форточку? — негромко уронил он, глядя в кружку с чаем.

Отрицать было бесполезно.

— Видел, — хмуро подтвердил я.

— Так получилось, — тихо сказал он, вода кончиком чайной ложки по столу. — Так получилось...

— Давно это было. Мы с братом тогда на лесопункте работали. После армии завербовались, деньги были нужны. Я один жил, а он — с девушкой. В длинном деревянном бараке мы жили. Девушка все просила его на ней жениться, а брат не хотел. Все отговаривался. Ему б только время отбыть надо было.

Год мы прожили. Она уже ребенка от него ждала, а брат все обещал ей, обещал... А она плакала. Я видел. Вот она меня и попросила, — он на мгновение взглянул на меня, усмехнулся: — Мы с братом очень похожи были. Это сейчас, с возрастом, уже не так, а тогда... Ну, она взяла его паспорт, свой. Поехали. Брат тогда в первую смену работал. Расписали нас... Вернее ее и его.

Брат тогда здорово избил меня. Я тоже крепкий был, да ладно, думал, пускай бьет. Теперь вот живут вместе столько лет. Четверо детей уже. А я... — он грустно улыбнулся, — а я подглядываю... Знаю, что некрасиво, что... Так, понимаешь, получилось... Я и квартиру поэтому обменял... Все ж ближе. Мало ли...

Он замолчал. Из соседней комнаты послышался раздраженный мужской голос, визгливый женский, надрывный детский плач.

— Они хорошо живут, — добавил он, помолчав. — Правда, он иногда выпивает, ну да ничего... Он спокойный, когда выпьет. Сразу спать ложится... Я у нее спрашивал...

— Брат-то знает? — сам не зная почему, но шепотом спросил я. — Ну что ты?! — он испуганно посмотрел на меня. — Им обоим никак нельзя знать. Что ты!

Я молча встал и подошел к окну. Дом смотрел на меня, окна мне показались одним из земных созвездий, из которых соткана наша, такая странная жизнь.